

Олег БУДНИЦКИЙ

**“КАЖЕТСЯ, СКОРО РУССКИХ ПРИДЕТСЯ
ИСКАТЬ ЛИШЬ СРЕДИ ЕВРЕЕВ”
(Из переписки Василия Маклакова
и Оскара Грузенберга)**

Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) и Оскар (Израиль) Осипович Грузенберг (1866–1940) были, несомненно, звездами российской адвокатуры начала XX века. Возможно, самыми яркими. Оба относились к числу лучших российских судебных ораторов, были тонкими знатоками российских законов и судебных обычаев и нравов.

Маклаков адвокатом стал едва ли не случайно: “вечный студент”, он поучился на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета, затем окончил историко-филологический. Он занимался в семинаре под руководством П. Г. Виноградова, написал блестящую работу об избрании жребием в Афинском государстве, опубликованную, вместе со студенческим трудом его соученика и приятеля М. О. Гершензона, в Ученых записках университета.¹ Был претендентом на оставление при кафедре “для приуготовления к

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-00135) и Научного фонда НИУ ВШЭ (проект № 15-09-0258).

¹ Исследования по греческой истории. 1. В. Маклаков. Избрание жребием в Афинском государстве. 2. М. Гершензон. Аристотель и Эфор. Москва, 1894.

профессорскому званию”. Однако академическая карьера Маклакова не состоялась: попечитель Московского учебного округа П. Н. Боголепов – будущий министр народного просвещения и первая жертва российского терроризма XX века – воспрепятствовал этому. Маклаков “привлекался” за участие в студенческих волнениях, считался одним из лидеров студенческого движения – неполитического, но любая форма самоорганизации студенчества воспринималась властями как крамола.

К этой неприятности добавилось личное горе – умер отец Маклакова, известный врач-окулист. Пришлось оставить казенную квартиру и думать о том, как прокормить многочисленное семейство: Маклаков не был женат, однако будучи старшим в семье, состоящей, кроме мачехи, из семи братьев и сестер, должен был подумать о хлебе насущном – для себя и для них. Профессия юриста, прежде всего адвоката, была близка “общественному темпераменту” Маклакова и сулила пристойные заработки. Дело было за малым – получить диплом. Маклаков прошел курс юридического факультета за год, сдав все выпускные экзамены, кроме одного, уже не имевшего значения, на “весьма”! Сам он считал это своим высшим спортивным достижением. С 1896 г. Маклаков – помощник присяжного поверенного. Его “патронами” были А. Р. Ледницкий и Ф. Н. Плевако; работа с ними была замечательной школой, однако ученик довольно быстро “отпочковался” от своих наставников и стал самостоятельной величиной. Имя ему создало выступление в защиту Сеткина по делу о злоупотреблениях в Северном страховом обществе; о молодом адвокате писала пресса; его речь была напечатана в журнале “Судебные драмы”.² С 1901 г. Маклаков – присяжный поверенный округа Московской судебной палаты.

К числу наиболее известных судебных речей Маклакова относятся выступления по делу М. А. Стаховича против князя В. П. Мещерского (он, вместе с Плевако, поддерживал иск Стаховича по обвинению Мещерского в клевете). Один из его ораторских шедевров – речь по делу крестьян, разгромивших в селе Долбенково экономию, принадлежавшую великому князю Сергею Александровичу.³ Звездным часом Маклакова-адвоката было его выступление на Выборгском процессе (1908) – процессе по делу депутатов первой Государственной думы, подписавших Выборгское воззвание с призывом в знак протеста про-

² Судебные драмы. 1898. Т. II. С. 114-129.

³ Обстоятельства этих дел, также как упомянутые речи Маклакова, см. в кн.: В. А. Маклаков. Речи: судебные, думские и публичные лекции. 1904–1926 / С предисловием М. А. Алданова. Париж, 1949.

тив роспуска думы отказаться от уплаты налогов, службы в армии, а также от признания правительственных займов.⁴

Путь Грузенберга в адвокатуру был и “прямее”, и сложнее, чем путь Маклакова. Грузенберг был тремя годами старше своего будущего коллеги. Он окончил юридический факультет Киевского университета в 1889 г., когда Маклаков в профессиональном отношении еще находился в переходном состоянии от “естественника” к историку. Научная карьера Грузенберга также не задалась: он отказался от предложения остаться при кафедре, ибо условием этого был переход в христианство. Не повезло ему и еще в одном отношении: в 1889 г. вступил в силу закон, де-факто ограничивавший доступ евреев в адвокатуру. Формально закон всего лишь передавал решение этого вопроса в ведение министерства юстиции, однако на практике положительные решения принимались в исключительных случаях.⁵ Грузенберг перебрался в Петербург, где поступил в помощники присяжного поверенного П. Г. Миронова. В качестве помощника он прослужил 16 лет, став членом сословия присяжных поверенных лишь 10 января 1905 г. К этому времени он был уже известным адвокатом (присяжные поверенные и их помощники ухитрялись обходить ограничения на ведение дел путем сложной системы доверенностей), а также редактором (совместно с В. Д. Набоковым) уголовного отдела в газете “Право” (в 1898–1901 гг.); кроме того он вел отдел уголовного суда в “Журнале С.-Петербургского юридического общества”.

Грузенберг был, по-видимому, лучшим “кассатором” в России; это предполагало тонкое знание как законов, так и сенатских “коридоров”. Однако особенно прославился он защитой политических деятелей и писателей и выступлениями на “еврейских” процессах. Грузенберг защищал А. М. Горького, Корнея Чуковского, В. Г. Короленко, П. Н. Милюкова; он был руководителем защиты на процессе по делу петербургского совета рабочих депутатов, в котором персонально защищал Л. Д. Троцкого. Грузенберг защищал П. Дашевского, совершившего покушение на считавшегося вдохновителем Кишиневского погрома П. Крушевана. Огромную популярность в еврейском мире ему принесли выступления на “ритуальных” процессах⁶: по делу Д. Блондеса и, позднее, по делу

⁴ См. речь Маклакова в кн. Выборгский процесс. Санкт-Петербург, 1908. С. 117-125. Вместе с ним защищали О. Я. Пергамент и Н. В. Тесленко.

⁵ См. подробнее: Benjamin Nathans. *Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia*. Berkeley, 2002. Pp. 345-366.

⁶ “Ритуальные процессы” – процессы по обвинению евреев в убийствах людей иных исповеданий (преимущественно христиан) для использования их крови в

Бейлиса, о котором пойдет речь ниже. Принципиальное значение имело дело Я. Гершановича (дело о “мариампольской измене”) в период Первой мировой войны. В то время, когда евреи *en masse* обвинялись главным командованием в измене, что вполне разделялось и поддерживалось значительной частью общества, добиться пересмотра дела и оправдания подзащитного было чрезвычайно сложно. Грузенберг этого добился.

К числу его поразительных адвокатских достижений относится защита по делу эсера поручика В. Пирогова, приговоренного военным судом к смертной казни. Грузенберга пригласили защищать в последний момент; дела он не видел, и обвинительное заключение воспринимал на слух. Уловив в речи обвинителя союз “и” и следующие за ним “гражданские” статьи в дополнение к “военным”, он добился кассации дела на основании того, что к нему не был допущен гражданский защитник. Впоследствии он добился не только отмены приговора, но и полного оправдания своего подзащитного.⁷

Грузенберга-адвоката отличали не только тонкое знание законов (недаром значительная часть его побед была одержана на “кассационном фронте”), красноречие и поразительная быстрота реакции. Он умел находить общий язык с сенаторами, прокурорами, судьями – конечно, с теми, кто соблюдал “правила игры” и ценил профессионализм своего соперника и в то же время соратника по постепенному продвижению России по пути к правовому государству.

Е. М. Кулишер вспоминал, как Грузенберг, возглавлявший защиту на одном крупном политическом процессе, обратился с каким-то ходатайством к суду. Судило Особое присутствие Санкт-Петербургской судебной палаты. Председательствовавший Н. С. Крашенинников, даже не делая вида, что совещается с другими судьями, отчеканил:

“Выслушав заявление защиты и принимая во внимание то-то и то-то, и то-то, Особое Присутствие Санкт-Петербургской Судебной Палаты определяет: в означенном ходатайстве отказать”.

ритуальных целях (“кровавый навет”). Кровавые наветы, зародившиеся в период Римской империи, практически прекратились в Западной и Центральной Европе после эпохи Реформации, однако вновь появились во второй половине XIX – начале XX в. в связи с формированием современной антисемитской идеологии. В начале XX в. в России состоялось несколько “ритуальных процессов”; во всех случаях подсудимые были оправданы.

⁷ О деле поручика Пирогова см. О. О. Грузенберг. Вчера: Воспоминания. Париж, 1938. С. 96-109.

Пока Крашенинников объявлял это определение, Грузенберг встал. И в тот момент, когда прозвучало слово “отказать”, он начал:

“Ввиду состоявшегося определения Особого Присутствия, защита собралась на экстренное совещание и, всесторонне обсудив создавшееся положение, единогласно поручила мне сделать нижеследующее заявление”. И затем последовал тонкий юридический анализ, преподносивший в несколько иной форме то же требование защиты.

Крашенинников, *формально честный судья* (курсив мой – О.Б.), сразу признал свое поражение. Палата удалась для совещания и удовлетворила требование защиты”.⁸

“Формально честный судья” – а что еще, собственно, требовалось от судьи? Условием возникновения великой адвокатуры было наличие честных судей, да и других “элементов” судебной системы. Иначе работа адвокатов просто теряла смысл. Любопытно, что в позитивном плане среди судейских чиновников в литературе упоминают разве что А. Ф. Кони. Да и того иногда именуют адвокатом, хотя в адвокатуре знаменитый юрист не состоял ни одного дня.

Маклаков также умел “работать” с судьями, точнее, учитывать их психологию.

“Судьи редко обижались на Маклакова, и он умел их обвораживать”, – писал в предисловии к юбилейному сборнику речей Маклакова его ближайший друг в послевоенные годы и горячий поклонник Марк Алданов. Алданов передает, со слов очевидца, эпизод, случившийся во время процесса по делу о Московском вооруженном восстании:

Председатель Ранг резко обрывал первого защитника. Затем выступил В.А. – он по существу говорил не менее определенно, чем его товарищ по защите, но председатель его ни разу не прервал. По окончании речи Ранг, обращаясь к другим судьям, заметил вполголоса: “Вот что значит, когда говорит умный человек!”⁹

Пореформенный суд, разумеется, не стоит идеализировать. “Формальная” законность нередко попиралась в угоду “государственным” интересам. Тот же Крашенинников был председателем суда на Выборгском процессе. Речь Маклакова на процессе, завершившаяся словами “есть ли у нашего закона защитники?”, настолько потрясла

⁸ Е. М. Кулишер. Грузенберг как адвокат // О. О. Грузенберг. Очерки и речи. Нью-Йорк, 1944. С. 8.

⁹ М. Алданов. К 80-летию В. А. Маклакова // В. А. Маклаков. Речи. С. 16.

не только присутствующую публику, но и председателя суда, что он ушел из зала, забыв объявить заседание закрытым. Однако аргументы Маклакова, показавшего, что членов Государственной думы, подписавших Выборгское воззвание, обвиняют не по той статье – за распространение, а не за составление воззвания, – и что доказательств их участия в распространении воззвания не существует, не были учтены судом. В данном случае “формально честный” судья переступил через формально верные аргументы, и суд вынес обвинительный приговор: трехмесячный арест и лишение права впредь баллотироваться в Государственную думу для 167 “перводумцев”.

Однажды Маклаков и Грузенберг защищали вместе: участие именно в этом прискорбном процессе принесло обоим всемирную славу. Речь идет о деле Бейлиса (1913), деле по обвинению приказчика кирпичного завода в Киеве Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве. Бейлис был оправдан, а присяжные, по мнению Маклакова, “спасли честь русского суда”. Речи Грузенберга и Маклакова на суде отчетливо показывают разницу в их ораторских приемах, ораторской манере: Грузенберг произнес блестящую речь в защиту еврейства, которое, по существу, являлось обвиняемым на этом процессе. Он обращался не только к присяжным: Грузенберг говорил “городу и миру”, “для истории”. После процесса его именем была названа одна из улиц недавно основанного Тель-Авива.

Однако, по мнению современников, решающую роль в оправдании Бейлиса сыграла речь Маклакова, построенная логично и очень просто. Речь была рассчитана именно на данный, “темный” состав присяжных и преследовала конкретную цель – доказательство невиновности именно этого человека, Менделя Бейлиса.

Маклаков показал себя в этой речи, по мнению одного из присутствовавших в зале суда юристов, “достойным учеником Плевако”. Центральным моментом речи стала сцена разговора очевидно причастной к убийству Андрея Ющинского главы воровской шайки Веры Чеберяк с ее умирающим сыном, которая, по словам очевидца, “должна была потрясти слушателей”. Недаром в стенограмме процесса в этом месте несколько раз отмечено “движение” в зале.¹⁰ Маклаков нашел ясные и

¹⁰ Письмо А. А. Гольденвейзера В. А. Маклакову от 10 апреля 1954 // Stanford University, Hoover Institution Archives (HIA). Vasily Maklakov Collection. Box 16. Folder 10 (далее в сносках фонд Маклакова в Архиве Гуверовского института при Стэнфордском университете, в котором хранится переписка Маклакова с Грузенбергом, обозначается как HIA, цифры указывают номера коробки и папки); Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Киев, 1913. Т. III. С. 137-138.

понятные присяжным слова: “Здесь присяга – не осудить виновного, здесь крест Спасителя, здесь портрет Государя Императора. В этом деле все сводится к одному: сумеете быть справедливыми, забудьте все остальное”.¹¹

Бейлис, как известно, был оправдан, а свое мнение о процессе и подстрекательской роли в нем министерства юстиции Маклаков выразил в статьях, опубликованных в “Русских ведомостях” и “Русской мысли”.¹² Характерно название статьи в “Русской мысли”: “Спасительное предостережение: Смысл дела Бейлиса”. Редактор “Русской мысли” П. Б. Струве, по воспоминаниям Маклакова, прочтя его статью, обнял его и поцеловал. В статье говорилось, что приговор присяжных спас доброе имя суда, едва не опороченного действиями высших судебных властей. Однако же эти статьи не были оставлены без внимания министерством юстиции, и Маклаков, также как редакторы “Русских ведомостей” и “Русской мысли”, были преданы суду “за распространение в печати заведомо ложных и позорящих сведений о действиях правительственных лиц”.

Уже во время первой мировой войны Маклаков, также как редакторы “Русских ведомостей” и “Русской мысли”, был приговорен к трем месяцам тюремного заключения. Избавила их от “отсидки” Февральская революция.

Грузенберг был адвокатом *per se*: вел одновременно несколько дел, имел штат помощников и неплохо зарабатывал. Настолько неплохо, что даже мог позволить себе заказать двойной портрет – с женой – самому Валентину Серову! Правда, работа над портретом четы Грузенберг (1909) удовольствия Серову как будто не доставила. По словам И. Э. Грабаря, “модный адвокат” и его жена “немилосердно” торговались с Серовым и до смерти ему надоели: “Он им за это отомстил портретом, чего они, впрочем, не уразумели”.¹³ По словам другого исследователя творчества Серова, на портрете

словно через приоткрытую дверь гостиной видим мы проходящую пару. Улыбается супруга, приветливо и с достоинством, как, по ее представлению, и должна улыбаться дама, уделяющая окружающим частицу своего очарования; супруг серьезен и сдержан, каким

¹¹ Дело Бейлиса. Т. III. С. 125.

¹² В. Маклаков. Значение дела Бейлиса // Русские ведомости. 1913. 30 октября. № 250; В. Маклаков. Спасительное предостережение. Смысл дела Бейлиса // Русская мысль. 1913. № 11. Отд. II. С. 135-143.

¹³ И. Э. Грабарь. В. А. Серов. Жизнь и творчество. 1865–1911. Москва, 1980. С. 181.

и должен быть человек преуспевающий, удачливый в семейной жизни... супруги Грузенберг в портрете не замечают, что выглядят они смешно и скучно, что респектабельность их безнадежно провинциальна, что “эффектное” белое платье лишь подчеркивает физиологичность фигуры, а обтянутый жилетом живот не вяжется с благородно-романтическим выражением лица. Идеалы мещанской добродетели развенчиваются Серовым с редкостной для живописи силой.¹⁴

Сам Серов считал портрет “неудачным (и весьма)” и просил Грабаря не помещать его в монографии, ему посвященной.¹⁵ Вряд ли художник мог представить, что этот “неудачный” портрет станет одним из самых известных – и самым дорогим – из его произведений! Картина после смерти Грузенберга перешла к его потомкам и 6 декабря 2012 года была продана правнучкой четы Грузенберг на аукционе FAAM (Fine Art Auction Miami) в Майами за 4,1 миллиона долларов. Это самая высокая цена, когда-либо уплаченная за картину Серова.¹⁶

Маклаков выступал по большей части в процессах по уголовным и политическим делам; гражданские споры, составлявшие, как правило, основную часть адвокатской практики, не были его “коньком”. Маклаков никогда не был юрисконсультom и никогда не имел постоянных клиентов; не любил он и кропотливой подготовительной работы, в особенности свойственной гражданским делам. Он был “одиночкой”, хотя и входил в различные адвокатские общества, как, например, в кружок, получивший шутовское название “Бродячего клуба”; члены кружка видели назначение адвокатуры не только в содействии конкретному клиенту, но в служении идеалам права.

Вацлав Ледницкий, сын первого “патрона” Маклакова в адвокатуре А. Р. Ледницкого, хорошо знавший знаменитого ученика и друга своего отца, писал о Василии Алексеевиче: “Он был своего рода гастролером в громких уголовных и политических процессах, и люди ходили его слушать, как ходили слушать Шаляпина или Собинова; слушать замечательного оратора и очень умного, культурного образованного

¹⁴ В. А. Ляняшин. Портретная живопись В. А. Серова 1900-х годов: Основные проблемы. Ленинград, 1986. С. 158.

¹⁵ Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников / Сост. И. С. Зильберштейн и В. А. Самков. Ленинград, 1971. Т. 2. С. 449.

¹⁶ См. <http://www.artguide.com/ru/news/siensatsiia-v-maiami-novy-i-auksionnyi-riekord-valentina-sierova-1025.html>; Ах, вернисаж. Адвокаты в изобразительном искусстве / Сост. А. В. Крохмалюк. Вып. 1. Москва, 2014. С. 3-4.

человека, который пленял их, однако, не только блеском слова и своей всесторонней эрудицией, но и особым национальным шармом, своей кровной русскостью”.¹⁷ Маклаков и сам назвал себя как-то “гастро-лером” в гражданских делах. Собственно, “гастролером” он стал и в большинстве остальных, после того, как главным делом его жизни стала политика, думская работа.

Как и многие другие российские юристы, Маклаков и Грузенберг принадлежали к русской “общественности”. Маклаков участвовал в земском движении, был секретарем кружка либеральных земцев “Беседа”, стал своеобразным связным между деятелями нелегального Союза Освобождения в России и редактором их заграничного органа – журнала “Освобождение” П. Б. Струве. В 1905 г. Маклаков стал одним из основателей партии кадетов, был избран членом ее ЦК; в период выборов в 1-ю Государственную думу он, совместно с А. А. Кизеветтером, подготовил руководство для кадетских ораторов, вошедшее в историю под названием “кизеветтеровского катехизиса”. Маклаков был избран во 2-ю Думу от Москвы; в Думе он упрочил свою славу одного из лучших ораторов России. Он был избран также в Государственные думы 3-го и 4-го созывов. Начиная с 1906 г. Маклаков был больше политиком, чем юристом. Правда, лидер партии П. Н. Милюков упрекал Маклакова впоследствии в том, что он и в политике остался адвокатом.

Грузенберг ни в какие партии не входил, не считая нескольких месяцев пребывания в составе партии народных социалистов, что случилось уже в 1917 г. Он баллотировался во вторую Думу от Виленской губернии и не прошел. Политикой он занимался в гораздо меньшей степени, чем Маклаков; однако участвовал в еврейском национальном движении, консультировал евреев-депутатов третьей и четвертой Государственной думы.

После февральской революции 1917 года Маклаков был назначен комиссаром Временного правительства в Министерстве юстиции; однако ожидаемый пост министра юстиции получил вместо него А. Ф. Керенский. В итоге Маклаков был назначен послом во Францию. По иронии судьбы он прибыл в Париж на следующий день после захвата власти большевиками. Заочно он был избран в Учредительное собрание от партии кадетов. Грузенберг после Февральской революции, уравнившей, среди прочего, евреев в правах, был назначен сенатором.

¹⁷ В. Ледницкий. Вокруг В. А. Маклакова (Личные воспоминания) // Новый журнал. Нью-Йорк. 1959. Кн. 56. С. 230.

Он также был избран в Учредительное собрание, однако на сей раз баллотировался по списку еврейских национальных организаций.

И Маклаков, и Грузенберг были противниками большевиков. Маклаков сохранял пост посла несуществующего правительства до 1924 г., в годы Гражданской войны занимался дипломатическим обеспечением Белого движения. Грузенберг пытался сотрудничать с белыми на юге России: у него это не получилось – такие союзники антисемитски настроенным руководителям белых были не нужны. Сына Грузенберга Юрия не приняли в Добровольческую армию.¹⁸ География и хронология перемещений Грузенберга по бывшей Российской империи, а затем за границей прослежена В. И. Хазаном. 13 июня 1918 г. Грузенберг с семьей покидает Петроград и перебирается в Киев. С августа 1918 по конец лета 1919 г. Грузенберг в Одессе, затем, после недолгого пребывания в Севастополе, семья отправляется в Тифлис по приглашению старшего брата Оскара Осиповича – Матвея, известного в тамошних кругах адвоката. В самом конце 1919 г. Грузенберг уехал в Константинополь, эту “пересадочную станцию” на пути в эмиграцию. Однако же оттуда Грузенберги отправляются не на запад, а в Батум, по причинам вполне материальным: здесь Оскару Осиповичу обещано вполне пристойное жалованье как члену правления двух российских банков. Из Батума Грузенберги вновь переезжают в Тифлис и лишь в начале 1921 года отправляются в “настоящую” за границу, через Берлин – в Париж, куда прибывают в апреле. В январе 1922 г. Грузенберги переезжают в Берлин. Это обычный маршрут для многих эмигрантов того времени, так как жизнь в Берлине была гораздо дешевле. С 1923 г. Грузенберги в Ницце. По-видимому, решающим мотивом для выбора нового места жительства послужили рекомендации врачей, нашедших у Оскара Осиповича процесс возвратного туберкулеза. Правда, эти рекомендации были забыты, когда весной 1926 года Грузенберг решает переехать в Ригу, где климат был, пожалуй, хуже берлинского. В Латвии, по сути, действует старое российское право, несмотря на формальные ограничения, есть возможность заниматься юридической практикой; здесь многочисленная русскоязычная колония и, наконец – возможно, это стало решающим моментом, – Грузенберг является здесь едва ли не такой же звездой, как в России. Точнее, даже большей, ибо здесь он единственный юрист такого масштаба, его почтительно именуют

¹⁸ О. О. Грузенберг. Страницы воспоминаний / Вступ. ст., публ. и коммент. В. Е. Кельнера // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3 (7). С. 221-240.

сенатором. Рижский период был, пожалуй, самым профессионально продуктивным в эмигрантской жизни Грузенберга. Однако проблемы со здоровьем берут свое, и в начале 1932 г. он вынужден вновь переехать в Ниццу – точнее, остаться там во время планировавшейся как недолгая поездки, оставив почти все свое имущество в Риге.¹⁹ Здесь, в Ницце, прошли последние годы его жизни, здесь он и скончался в декабре 1940 г.²⁰

Маклаков в 1924 г., после отставки с дипломатического поста, возглавил Офис по делам русских беженцев при Министерстве иностранных дел Франции и одновременно был избран председателем русского Эмигрантского комитета. До конца своей долгой жизни он жил в Париже, занимаясь защитой интересов российских изгнанников.²¹

¹⁹ “Мне всегда тяжело дышать там, где меня неласково принимают”: О. О. Грузенберг. Публикация, вступит. статья и примечания В. И. Хазана // *Современные записки* (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Москва, 2013. Т. 3. С. 443-449, 455.

²⁰ Подробнее о Грузенберге см. Б.О. О. О. Грузенберг – защитник в революционном трибунале: Из воспоминаний подзащитного // *Новое русское слово*. 1940. 31 дек. № 10189. С. 2; вступительные статьи Е. М. Кулишера, И. А. Найдича, А. Я. Столкинда, И. Л. Цитрона в кн. О. О. Грузенберг. Очерки и речи. Нью-Йорк, 1944; А. А. Гольденвейзер. Адвокат-боец: Памяти О. О. Грузенберга // *В защиту права: Статьи и речи*. Нью-Йорк, 1952. С. 241-252; И. Я. Герман. Большой русский патриот: Памяти О. О. Грузенберга // *Русская мысль*. 1953. 14 нояб. № 606. С. 4; М. В. Вишняк. О. О. Грузенберг // *Русская мысль*. 1956. 10 июля. № 923. С. 2-3; С. Ковальчук. Рига в эмигрантских скитаниях Оскара Грузенберга // *Евреи в меняющемся мире: мат-лы 3-й междунар. конф.*, Рига, 25-27 октября 1999 г. / Под ред. Г. Бранновера и Р. Фербера. Рига, 2000. Т. III. С. 486-494. Наиболее полный биографический очерк о Грузенберге принадлежит В. И. Хазану: “Мне всегда тяжело дышать там, где меня неласково принимают”: О. О. Грузенберг. Публикация, вступит. статья и примечания В. И. Хазана. С. 431-458.

²¹ Подробнее о Маклакове см. Г. В. Адамович. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959; М. Карпович. Два типа русского либерализма: Маклаков и Милоков // *Новый журнал*. Нью-Йорк. 1960. Кн. 60. С. 278-279; О. В. Будницкий. Нетипичный Маклаков // *Отечественная история*. 1999. № 2. С. 12-26; № 3. С. 64-80; он же. Маклаков и Милоков: два взгляда на русский либерализм // *Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы*. Москва, 1999. С. 416-428; он же. В. А. Маклаков и “еврейский вопрос” // *Вестник Еврейского университета. История. Культура. Цивилизация*. 1999. № 1(19). С. 42-94; он же. Милоков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917–1939 // П. Н. Милоков: историк, политик, дипломат. Москва, 2000. С. 358-383; он же. Послы несуществующей страны // “Совершенно лично и доверительно!” Б.А. Бахметев – В. А. Маклаков: Переписка 1919–1951. Т. 1. Москва; Стэнфорд, 2001. С. 16-114; он же. Попытка примирения // *Дiaspora: Новые материалы*. Вып. I. Париж; Санкт-Петербург, 2001.

И Маклаков, и Грузенберг много писали еще в России: Маклаков, по большей части, – на общеполитические темы, Грузенберг – на юридические. Последний был в числе основателей газеты “Право”, в которой редактировал совместно с В. Д. Набоковым уголовный отдел. В эмиграции оба сотрудничали в журнале “Современные записки”, публиковались и в других изданиях; оба в 1930-е годы выпустили воспоминания: Маклаков – “Власть и общественность на закате старой России” (1936), Грузенберг – “Вчера” (1938). Вторая книга воспоминаний Грузенберга – “Очерки и речи” – вышла посмертно (1944) в Нью-Йорке. Маклаков в 1940–1950-е годы выпустил еще три книги воспоминаний (“Первая Государственная дума” [1940, поступила в продажу в 1945], “Вторая Государственная дума” [1947], “Из воспоминаний” [1954]) и сборник своих речей (1949).

В их довоенных книгах отчетливо видна разница подходов и темпераментов. Воспоминания Маклакова, первоначально печатавшиеся в “Современных записках” (с 1929 по 1936) под названием “Из прошлого”, аналитичны, в них много историософии и мало личного. Это в значительной степени сведение счетов со своим прошлым и, в особенности, со своей партией и ее лидером – П. Н. Милюковым. Маклаковские воспоминания вызвали много откликов и горячую полемику, временами переходящую на личность автора. Воспоминания Грузенберга – очень личная, даже эгоцентричная книга.

Известный юрист Б. Л. Гершун писал о книге Грузенберга своему коллеге по адвокатскому цеху А. А. Гольденвейзеру:

Милюков – страха ради иудейска – напечатал о ней восторженную рецензию.²² Я прочел эту книгу. Лучше бы она не вышла. Очерки, посвященные воспоминаниям о делах, очень интересны, но они пропадают в автобиографии и в воспоминаниях о “великих людях”, его друзьях – Короленко, Горьком, Кони. Язык – вымученный, любовь к “истинно-русским” оборотам речи и поговоркам ... и повсюду Оскар, Оскар и Оскар, – некуда от него спрятаться.

С. 179-240; он же. В. А. Маклаков и журнал “Современные записки” // Вокруг редакционного архива “Современных записок” (Париж, 1920–1940). Москва, 2010. С. 203-232; он же. В. А. Маклаков и В. В. Шульгин: друзья-противники // Спор о России: В. А. Маклаков – В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. Москва, 2012. С. 5-42; он же. В. А. Маклаков и М. А. Алданов. Политика и литература // “Права человека и империи”: В. А. Маклаков – М. А. Алданов. Переписка 1929–1957 гг. Москва, 2015. С. 5-44.

²² См. П. Милюков. “Вчера” О. О. Грузенберга // Последние новости. 1938. 14 апреля. № 6228. С. 3.

Как вам нравится в первых строках – определение русского языка:

“Я полюбил этот удивительный язык: в ласке шелковисто-нежный, завораживающий; в книге – простой, просвечивающий до невозможности скрыть малейшую фальшь; в испытаниях борьбы – подмороженный, страстно-сдержанный”.

И в таком стиле почти вся книга. Только там, где он рассказывает о делах, защитах, муках за подзащитных, – там язык натуральнее.²³

Грузенберг своей самовлюбленностью и самоуверенностью раздражал многих. Но все же это была история и слава русской адвокатуры. И Гершун не выдержал – боясь обидеть знаменитого коллегу, написал о столь не понравившейся ему книге положительную рецензию.²⁴ Однако книга Грузенберга, возможно, именно в силу недостатков, очевидных интеллектуалам, но привлекательных для “широкой публики” – что может быть увлекательней, чем “сага” о героическом адвокате, защитнике униженных и оскорбленных? – пользовалась успехом и полностью разошлась, что было не столь частым явлением в эмигрантской литературе. Тем паче что эта “сага”, если вынести за скобки внушительное эго автора, не слишком грешила против истины. В результате Грузенберг получил даже некоторый доход от продажи тиража, что было немаловажно в не слишком блестящих финансовых обстоятельствах последних лет его жизни.

Грузенберг основал в 1929 г. в Риге юридический журнал “Закон и суд”. Это единственное специализированное юридическое издание, выходившее в “русском зарубежье” (проблематика многих статей выходит за рамки чисто юридических вопросов): журнал выходил до 1938 г., всего вышло 90 номеров. Это все еще не изученный и не оцененный по достоинству памятник российской юридической мысли.²⁵ Многие статьи, публиковавшиеся на страницах журнала, в особенности о правах национальных меньшинств, имеют, на наш взгляд, не только исторический интерес.

²³ Письмо Б. Л. Гершуна А. А. Гольденвейзеру от 15 мая 1938 г. цит. по: О. Будницкий, А. Полян. Русско-еврейский Берлин (1920–1941). Москва, 2013. С. 144.

²⁴ Б. Гершун. Грузенберг как уголовный защитник (по поводу книги его воспоминаний “Вчера”) // Последние новости. 1938. 1 сентября. № 6367. С. 4.

²⁵ Единственная известная нам обзорная статья о журнале: С. Ковальчук. Судьба журнала “Закон и суд” (1929–1938) // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 1999. Т. 4. С. 88–103.

* * *

Маклаков и Грузенберг не были друзьями. Более того, знаменитый коллега раздражал Маклакова, как, впрочем, и многих других современников. Грузенберг был чрезвычайно эгоцентричен и самолюбив. Василий Алексеевич был довольно терпимым человеком и поддерживал хорошие (а иногда и приятельские) отношения с широким кругом людей, в том числе с теми, с кем серьезно расходился в политических взглядах. В политике он пытался понять правду другой стороны, не победить, а убедить оппонента. Однако у него были и довольно устойчивые антипатии, нередко лишавшие его объективности, а то и терпимости. По нашим наблюдениям, в “большую тройку” его антипатий входили П. Н. Милюков, М. М. Винавер и О. О. Грузенберг.

Милюков в этом отношении лидировал с огромным отрывом от всех прочих. Винаверу в маклаковской переписке доставалось по большей части за его апологию 1-й Думы (Маклаков хоть и защищал ее депутатов на Выборгском процессе, однако считал их деятельность контрпродуктивной), да и за кадетскую ортодоксию в целом. Что же касается Грузенберга, то Маклакова прежде всего раздражали некоторые особенности его характера. В личной переписке Маклаков мог позволить себе быть гораздо более откровенным, чем в опубликованных текстах. Он писал своему ближайшему другу и confidentу послевоенных лет Марку Алданову:

Беда Милюкова в том, что он хотел быть властью, вести за собой, хотя для этого у него не было достаточно данных. Оттого он любил лести, поклонение, обожание. На это я насмотрелся, наблюдая его в партии, как лидера партии. И главное это вытекало не из убеждения в том, что его путь ведет к спасению, а из желания быть первым. В этом отношении у него было нечто общее с Грузенбергом.²⁶

В другой раз Маклаков писал о Грузенберге 15 лет спустя после его смерти тому же Алданову:

Если я назвал Ваш отзыв о моей статье “снисходительным”, так, во-первых, я делал поправку на Вашу дружбу, о чем и сказал; во-вторых, я вообще не Грузенберг, кот. находил, что его недостаточно хвалят.²⁷

²⁶ Маклаков – Алданову, 26 Марта [1956] // Bakhmeteff Archive, Columbia University, Rare Book and Manuscript Library. Aldanov Papers. Box 34.

²⁷ Маклаков – Алданову, 22 Фев[раля] [1955] // Там же. Box 5.

Впрочем, Маклаков довольно откровенно писал о том, что его раздражало в Грузенберге, не только в переписке, но и в своей последней – и, на мой взгляд, лучшей – книге:

Толстой про людей любил повторять чье-то изречение: “Всякий человек есть дробь, где числитель то, что он стоит, а знаменатель то, что он о себе думает”. И как ни велик был числитель у Чехова, его скромность и даже застенчивость этот числитель во много раз увеличивали.

Такое отношение к людям мне пришлось наблюдать у Толстого и с теми известными людьми, которых я, по их желанию, приводил с ним знакомиться: вспоминаю трех знаменитых адвокатов: Карабчевского, Грузенберга и Плевако.²⁸

Не касаясь Карабчевского (который совершенно смазал благоприятное поначалу впечатление сделанным им признанием, что он добился оправдания заведомого убийцы и считал это своим достижением) и Плевако, который Толстому понравился, приведем большой отрывок, посвященный встрече Грузенберга с маклаковским кумиром. Маклаков был довольно близок к Толстому со студенческих лет: именно его великий писатель избрал своим спутником для пеших прогулок по Москве. Позднее Маклаков бывал частым гостем в Ясной Поляне. Он пережил период увлечения толстовством; позднее, несмотря на то, что избрал презируемую в целом Толстым профессию адвоката, не переставал восхищаться Толстым и, возможно, понимал его как человека, также как смысл его учения, лучше других современников, да и потомков. Грузенберг пытался “образумить” писателя и растолковать Толстому неадекватность его учения, о чем сам позднее рассказал в печати.²⁹ Не удивительно, что это вызвало раздражение Маклакова:

Грузенберг про свою встречу с Толстым сам рассказал в своей книге “Очерки и речи”. Он ехал тогда из Севастополя с большого процесса, удачно прошедшего, и, по его выражению, “его сердце было исполнено радости и гордости за защитников”. В дороге ему пришлось прочесть в “Ниве” главы “Воскресения”, где описывался суд над Катюшей Масловой, и он вознегодовал на Толстого за то, что тот “променял кисть гениального художника на перо публициста и моралиста”. Он решил, не откладывая,

²⁸ В. Маклаков. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 176-177.

²⁹ О. Грузенберг. Толстой и суд (Разговор с Л. Толстым в 1900 году) // Закон и суд. 1930. Сентябрь. № 13. Перепечатано в: О. О. Грузенберг. Очерки и речи. Нью-Йорк, 1944. С. 142-148.

увидать Толстого и спросить у него ответа на свои сомнения. По просьбе Грузенберга я его к Толстому привел и, как он сам в своей книге вспоминает, тотчас их оставил вдвоем. Разговор их происходил без меня. Грузенберг его описал. Это был один из вариантов того спора, который Владимир Соловьев с остроумием изобразил в своих “Трех разговорах”, где оба собеседника ни до чего договориться не могут, ибо говорят о разных вещах. “Князь” там говорит с нетерпением: “Тысячу раз я слышал этот аргумент”, а г. Z ему отвечает: “Замечательно не то, что вы его слышали, а то, что никто ни разу не слышал от ваших единомышленников дельного или сколько-нибудь благовидного возражения на этот простой аргумент”.

Подобный классический спор уже не мог Толстого интересовать. Он его слишком часто слышал. В данном случае необычно было только то, что Толстой, всегда сдержанный и деликатный, на этот раз раздражился, и, по словам Грузенберга, ему “гневливо” ответил, хотя потом и “спохватился”.

Неожиданную вспышку Толстого я себе могу объяснить, вспоминая, в каком настроении Грузенберг к нему шел. На то, что для Толстого было его “верой”, религией, Грузенберг смотрел как на неудачную публицистику; он шел к Толстому ее опровергнуть. Я помню, как Грузенберг тогда мне объяснил, зачем он хочет быть у Толстого. Я слишком хорошо такое желание понимал, чтобы нуждаться в “мотивировке” его. Но Грузенберг мне сказал, что о его приезде в Москву после громкого процесса на Юге говорили газеты и что Толстой мог бы обидеться, если Грузенберг пройдет через Москву, к нему не заехав. Такое опасение Грузенберга могло быть объяснено только тем его эгоцентризмом, которого не могли отрицать в Грузенберге даже близкие друзья его и который от него часто отталкивал, несмотря на его талант, заслуги и многие хорошие стороны. В нем знаменатель был много больше числителя. Если Толстой в нем это почувствовал, это не могло не подействовать на него отрицательно. Недаром он мне ничего не сказал о своем с ним разговоре, и я понял, что Грузенберг пришелся ему не по душе.³⁰

Надо сказать, что и Грузенберг относился к своему коллеге по защите Бейлиса весьма неровно. Ему совсем не импонировало несколько скептическое, в толстовском духе, отношение Маклакова к их общей

³⁰ В. Маклаков. Из воспоминаний. С. 179-180.

профессии, о чем Грузенберг упомянул в юбилейной речи по случаю 50-летия введения Судебных уставов.³¹ Почти 20 лет спустя, после периода восхищения деятельностью Маклакова по защите интересов российских изгнанников, споров по вопросу о юридическом статусе эмигрантов, тяжелой ссоры и разрыва по, в общем-то, пустячному поводу, Грузенберг писал одному из редакторов “Современных записок” В. В. Рудневу:

Рецензии о м[оей] книге в “Совр[еменных] зап[исках]” давать не стоит, если она будет поручена Василию Алексеевичу [Маклакову]. Я знаю из его писем его доброе мнение обо мне, но судебного дела он никогда не любил, и по душевному строю мы друг другу чужды. – У него кислотный ум и опустошенное сердце. Изданные им воспоминания показали, что жизненные впечатления у него еще не отстоялись, и он продолжает вести раздраженную полемику со всем российским “вчера”, не сознавая, что все в эмиграции так измучены и обижены, что надо оберегать друг друга от печатных поношений. Одно было не сдержать себя в словесной полемике или переписке, другое – в печати.³²

Образ жизни Маклакова и Грузенберга в эмиграции был различным во многих отношениях. Маклаков постоянно жил в Париже, Грузенберг по меньшей мере пять раз менял “прописку”. Маклаков был закоренелым холостяком (его домоправительницей была младшая сестра), Грузенберг был обременен семьей, доставлявшей не слишком много радостей: дочь разошлась с мужем, тяжело болела и ушла из жизни 40 лет от роду; на руках у дедушки с бабушкой оказалась семилетняя внучка. У сына было выявлено психическое расстройство, и в 1932 г. он был помещен в психиатрическую лечебницу. Маклаков не испытывал особых материальных проблем. Отправляясь в качестве посла в Париж, он, по-видимому, перевел свои сбережения за границу; затем получал огромное посольское жалованье (поначалу 75.000 руб. золотом в год), потом жалованье по должности главы Офиса по делам русских беженцев. Иногда занимался и адвокатскими делами, но они не были главным источником его дохода. Грузенбергу, достаточно со-

³¹ О. О. Грузенберг. О петроградской адвокатской громаде [Речь произнесенная в юбилейном собр. петрогр. присяжных поверенных и их помощников]. Петроград, 1916. С. 29. Подробнее о полемике Маклакова и Грузенберга о роли адвокатуры см. в публикуемой ниже переписке и комментариях к ней.

³² О. О. Грузенберг – В. И. Рудневу, 31 октября 1938 // “Мне всегда тяжело дышать там, где меня неласково принимают”. С. 662.

стоятельному человеку в России, приходилось постоянно работать, благо, в клиентах он не испытывал недостатка. Однако его заработки эмигрантского периода не шли ни в какое сравнение с российскими.

Первые письма Грузенберга Маклакову датируются 1921 г., однако относительно регулярная переписка завязалась между ними в середине 1920-х годов. Переписка тем более интересная, что эпистолярный диалог вели между собой люди, придерживавшиеся нередко весьма различных взглядов на прошлое и настоящее России и эмиграции и бесспорно противоположные по темпераменту. Эта “разность потенциалов” и создает энергетику, напряженность заочного диалога. Переписка продолжалась по 1940 г., с большими перерывами и с различной степенью интенсивности. Наиболее интенсивно она велась с 1925 по 1935 годы. После “ссоры по переписке” в 1936 г. (разрыв произошел по инициативе Маклакова) последовал почти трехлетний перерыв, а затем отощания, во всяком случае эпистолярные, возобновились в 1939-м.

Переписка сохранилась, хотя, увы, не полностью, среди бумаг Маклакова в архиве Гуверовского института при Стэнфордском университете (США). В фонде Маклакова находятся оригиналы – преимущественно автографы – писем Грузенберга и машинописные отписки писем Маклакова. Письма, написанные Маклаковым от руки, не сохранились или, скажем осторожнее, пока не обнаружены. Вообще, эпистолярное наследие Маклакова поразительно по объему, широте обсуждавшихся проблем, интеллектуальному и литературному уровню. Его письма 1920–1930-х годов позволяют до некоторой степени оценить ораторское мастерство знаменитого адвоката и думского полемиста; это по большей части диктовки, запись устной речи. В общей сложности переписка с различными деятелями русской эмиграции занимает 14 (из 26) коробок в фонде Маклакова в Гуверовском архиве. Среди его корреспондентов были М. А. Алданов, Н. И. Астров, Б. А. Бахметев, А. А. Кизеветтер, В. Н. Коковцов, Е. Д. Кускова, П. Н. Милуков, Б. И. Николаевский, А. В. Тыркова-Вильямс, В. В. Шульгин и многие другие. Публикация переписки В. А. Маклакова, этого уникального источника по истории российской политической жизни начала XX века, российской революции и постреволюционной эмиграции и блестящего образца эпистолярного жанра, была начата нами почти 20 лет тому назад. Проект, однако, все еще далек от завершения.³³

³³ См. “Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное”: Переписка В. А. Маклакова и А. А. Кизеветтера. Публ. О. Будницкого и Т. Эммонса // Источник. 1996. № 2. С. 4-24; Написанные без оглядки: Василий Маклаков и его письма-портреты.

Что касается архива Грузенберга, то судьба его значительно сложнее, я бы даже сказал, туманнее. Часть архива Грузенберга оказалась в Национальной библиотеке Израиля. Каким образом и когда именно она попала в Израиль, неясно. Однако писем Маклакова там нет.³⁴ Другая – и, очевидно, наиболее содержательная – часть бумаг Грузенберга была передана его вдовой известному эмигрантскому общественному деятелю С. В. Познеру с целью подготовки издания сочинений покойного адвоката. Понятно, что период немецкой оккупации был не лучшим временем для издания сочинений Грузенберга. А вскоре после окончания войны, в 1946 г., скончался и сам Познер. Бумаги Грузенберга остались в семейном архиве Познеров. В 1990-е годы часть бумаг С. В. Познера была передана его внучкой Валери Познер (известным историком кино), унаследовавшей архив, в Библиотеку современной документации в Нантере. Другая часть, в которую вошли, по-видимому, и бумаги Грузенберга, была передана ею одному израильскому издате-

Публ. О. В. Будницкого // *Родина: Российский исторический журнал*. 1996. № 10. С. 54-61; *Соблазнитель генералов*. Публ. О. Будницкого // *Родина*. 1997. № 12. С. 59-62; “Совершенно лично и доверительно!” Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков: Переписка 1919–1951. В 3-х томах / Ред., вступ. ст. и комментарии О. В. Будницкого. Москва; Стэнфорд, 2001–2002; Политический роман в письмах: Из переписки А. В. Тырковой и В. А. Маклакова. Публ. и вступит. статья О. В. Будницкого // *Русская эмиграция: литература, история, кинолетопись*. Иерусалим; Таллинн, 2004. С. 302-320; О. В. Будницкий. 1945 год и русская эмиграция: Из переписки М. А. Алданова, В. А. Маклакова и их друзей // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 243-311; Спор о России: В. А. Маклаков – В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / Сост., вступит. статья и примечания О. В. Будницкого. Москва, 2012; “Права человека и империи”: Письма В. А. Маклакова к М. А. Алданову. Публ. О. В. Будницкого // *История и историки: Историографический вестник* 2009–2010. Москва, 2012. С. 298-315; О. В. Будницкий. После Сталина: Из эмигрантской переписки 1953 года // *Родина*. 2012. № 7. С. 17-22; “Предпочитаю во много раз убийство Муссолини казни Лавала”. Из переписки В. А. Маклакова и М. А. Алданова. Публ. О. В. Будницкого // *Российская история*. 2013. № 4. С. 39-59; “Я совершенно признаю, что продолжать совместную работу нам будет трудно”: В. А. Маклаков / Публикации, вступительная статья и примечания О. В. Будницкого // “Современные записки” (Париж, 1920–1940): Из архива редакции. Т. 4. Москва, 2014. С. 111-242; О. В. Будницкий. “Атомная бомба и Евангелие не очень совместимы”: Русская эмиграция в начальный период Холодной войны // *Родина: российский исторический журнал*. 2014. № 1. С. 145-147; № 2. С. 136-140; “Права человека и империи”: В. А. Маклаков – М. А. Алданов. Переписка 1929–1957 гг.

³⁴ См. обзор фонда Грузенберга: П. А. Трибунский. Фонд адвоката и общественного деятеля О. О. Грузенберга в Национальной библиотеке Израиля // *Археографический ежегодник за 2009–2010 годы*. Москва, 2013. С. 345-350.

лю для последующей передачи в Национальную библиотеку Израиля. Однако передача до сих пор не состоялась. Тем не менее, известный российский историк В. Е. Кельнер, разбиравший по просьбе Валери Познер бумаги ее деда, успел опубликовать ряд материалов из архива Познера, в том числе часть писем к Грузенбергу и не публиковавшиеся ранее фрагменты его воспоминаний.³⁵

Темы переписки далеки от обыденных. Обсуждаются историософские и актуальные политические проблемы, разумеется, вопросы закона и права, учение Льва Толстого и многое другое. Особенно интересны традиционные новогодние послания Маклакова, в которых он анализирует положение России и эмиграции и делает прогнозы на будущее.

Прогнозы Маклакова не отличались оптимизмом: “Нам по сю пору продолжает слепить глаза французская революция, из которой мы не только научились ждать Бонапарта с такой же верой, с какой евреи ждут Мессию, но даже быть уверенными, что революция кончится реставрацией”.³⁶ На самом же деле “мы поневоле попали в разряд спутников Моисея, которым, как Вы знаете, были назначены 40 лет блужданий”.³⁷

Маклаков надеялся на эволюцию, точнее, на разложение большевизма изнутри, и довольно точно описал процесс этого внутреннего разложения. Никакой политической роли эмиграции он не видел и считал, что ее вмешательство в российские дела может только помешать внутренним процессам перерождения большевизма и постепенного изживания его страной. По его словам, когда эмигранты “лезут в Россию,

³⁵ Владимир Жаботинский. Письма Оскару Грузенбергу / Вступ. ст., публ. и коммент. Х. Фирина (Фирин – псевд. В.Е. Кельнера) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 2 (6). С. 215-254; О. О. Грузенберг. Страницы воспоминаний / Вступ. ст., публ. и коммент. В. Е. Кельнера // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3 (7). С. 221-240; Письма П. Н. Милокова – О. О. Грузенбергу (из парижского архива Соломона Познера) / Вступ. ст., публ. и примеч. В. Е. Кельнера // Russian studies = Etudes russes = Russische Forschungen: ежеквартальник русской филологии и культуры. Санкт-Петербург, 2000. Т. III, № 3. С. 258-316; См. также чрезвычайно интересную подборку писем О. О. Грузенберга российскому промышленнику, еврейскому филантропу и сионистскому деятелю И. А. Найдичу, охватывающую период 1920–1933 годов: О. О. Грузенберг. Письма Исааку Адольфовичу Найдичу (1920–1933). Публ. и комментарии Ш. Маркиша // Еврейский журнал (Мюнхен). 1991. С. 80-100. Письма Грузенберга Найдичу отложились в архиве последнего, который хранится в библиотеке еврейской общины в Женеве.

³⁶ Маклаков – Грузенбергу, 17 января 1927 // НИА. Vasily Maklakov Collection. Box 8. Folder 1.

³⁷ Маклаков – Грузенбергу, 26 января 1928 // НИА. 8-1.

делают какие-то заговоры с помощью ГПУ,³⁸ кого-то подстреливают или взрывают и платят за это головой, то это и не самообман, и не хулиганство, а просто политическое харакири”.³⁹

Скептическое отношение к эмиграции было тем немногим, в чем, пожалуй, сходились Грузенберг и Маклаков. Однажды Грузенберг написал по просьбе Академии наук СССР воспоминания о Максиме Горьком, но отправить текст в Москву не решился, опасаясь обвинений в сотрудничестве с советским режимом. По этому случаю в досаде то ли на эмиграцию, то ли на самого себя он писал: “Живу в эмиграции, среди поврежденных людей, заменяющих любовь к родине ненавистью к ее лютому правительству. Поди столкнись с вами со всеми насчет того, что Академия наук есть Академия наук, что родина не перестает быть милою оттого, что она несчастна, что уехать за границу – подвиг не из великих...”⁴⁰

Корреспонденты обменивались довольно резкими репликами по поводу отношения к прошлому и настоящему России. Маклакова особенно раздражали декларации Грузенберга о том, что он “приемлет” русскую историю: “Если Вы большевизма не приемлете, то как же Вы можете говорить, что приемлете всю нашу историю, весь наш народ. Ведь большевизм из истории народа не вычеркнешь”. Рассуждая о психологии русского народа, который он сравнивал с готтентотами, Маклаков писал: “Хорошо, когда граблю я, плохо, когда грабят меня. И это готтентотство выявилось в успехе большевизма в России. Я это тоже ‘приемлю’; но в этом я вижу не признаки величия, а результат его дикого воспитания”.⁴¹

Русский Маклаков гораздо строже судил русский народ, чем еврей Грузенберг. В ответ на ностальгически-патриотические lamentации Грузенберга о том, что русский народ ему “не по хорошему мил, а по милу хорош”, Маклаков заметил: “Отлично понимаю, что по милу хорош; но если милому можно все прощать, то было бы большой ошибкой считать хорошим то, что гнусно и отвратительно; и это я отношу не только к большевистской головке, но к известным проявлениям всего народа”.⁴²

³⁸ Прозрачный намек на потрясший эмиграцию скандал с делом “Треста”, якобы антибольшевистской тайной организацией в СССР, созданной на самом деле ГПУ с целью инфильтрации в эмигрантскую среду.

³⁹ Маклаков – Грузенбергу, 26 января 1928 // НИА. 8-1.

⁴⁰ Грузенберг – Маклакову, 20/21 ноября 1935 // НИА. 8-4.

⁴¹ Маклаков – Грузенбергу, б/д // НИА. 8-2.

⁴² Маклаков – Грузенбергу, 15 февраля 1933 // НИА. 8-3.

Раздражение Маклакова вызывали и его товарищи по партии, в особенности их непонимание, как он считал, последствий революции: “Когда-то я в шутку предсказывал, что революция есть конец кадетам: первую их половину расстреляют как reactionеров, а вторую повесят как революционеров. Я был гораздо ближе к правде, чем даже сам думал; правда, у кадет остался еще третий исход: кончить жизнь здесь, жалуясь, что их не оценили”.⁴³

Поправление Маклакова (впрочем, и в России он был самым правым кадетом) вызвало как-то раз шуточную реплику Грузенберга: “Кстати или некстати: я совершенно оглох на правое ухо, как Вы на левое (очевидно, и глухота распределяется по политическим антипатиям)”.⁴⁴

Маклаков считал вредной политическую деятельность эмиграции за границей, полагая, что никакой пользы она России принести не может, а вредна она “прежде всего тем, что требует непременно, чтобы мы облаивали друг друга, позорили и порочили своих противников на глазах иностранцев и большевиков и убивали последние остатки уважения к себе”.⁴⁵

Впрочем, и сам Маклаков не удержался от полемики, хотя не о настоящем, а о прошлом – в воспоминаниях, публикация которых началась в “Современных записках” в 1929 г. и в которых было столько же мемуаров, сколько и политической философии. Грузенберг с политической философией Маклакова согласен не был, что его корреспондента не удивило. “По дружбе” Маклаков сообщил Грузенбергу “в двух словах” суть того, к чему сводятся его воззрения на недавнее прошлое России и, главное – на революцию: “Я считаю революцию не только несчастьем для России, ибо она не могла пройти иначе как прошла, но всегда абсолютным несчастьем для всех стран; ибо всегда она либо не нужна и можно было бы обойтись без нее при большом терпении и искусстве, или она вызывает таких духов, вреда от которых во много раз больше того зла, с которым революция хотела бороться”.⁴⁶

Грузенберг к революции относился несколько иначе: он не принял революции большевистской, но Февральская революция для него, в отличие от Маклакова, оставалась бесспорной ценностью.

Переписка – блестящий образец эпистолярного жанра. Формулировки мнений, высказывавшихся корреспондентами по тем или иным

⁴³ Маклаков – Грузенбергу, 16 января 1928 // НИА. 8-1.

⁴⁴ Грузенберг – Маклакову, 20/21 ноября 1935 // НИА. 8-4.

⁴⁵ Маклаков – Грузенбергу, 26 января 1928 // НИА. 8-1.

⁴⁶ Маклаков – Грузенбергу, 13 апреля 1929 // НИА. 8-2.

проблемам, по-адвокатски отточены. Временами кажется, что это устная речь выдающихся ораторов, перенесенная на бумагу. В случае Маклакова, нередко диктовавшего свои письма, так оно и было. Письма полны и серьезной полемики, и шутливой пикировки. Грузенберг иронизировал по поводу одной из “нападков” Маклакова: “Странно еще то, что когда Вы меня браните, Вы свои письма печатаете: неужели только для того, чтобы брань не могла быть трактована, как непечатная?”⁴⁷

Однажды Грузенберг, жалуясь на то, что мало разборчивый почерк Маклакова оказался на сей раз совершенно неразборчивым, писал: “Обидно потому, что я Вашими письмами дорожу и их храню, так как нет сомнения, что, когда мы оба уйдем, ими заинтересуются историки России”.⁴⁸ Со времени этого высказывания прошло более 80 лет. Полагаю, что письма представляют интерес не только для историков России, но и для той части российского общества, которая не утратила интерес к собственной истории и культуре, блестящими представителями которой были оба корреспондента.

В настоящую публикацию нами включена переписка за 1933 г. и одно письмо за 1934. В переписке обсуждается вопрос о корнях российской революции и об отношении к российской истории, о сущности профессии адвоката, наконец, делаются традиционные, на сей раз довольно краткие, прогнозы о ближайшем будущем. Однозначный ответ относительно прозорливости Кассандр образца 1934 года дать затруднительно – настолько зигзагообразно развивались события европейской истории во второй половине 1930-х годов. Впрочем, пора предоставить слово авторам публикуемых ниже – без каких-либо изъятий и сокращений – писем.

SUMMARY

In this article, Oleg Budnitskii introduces the publication of correspondence between Vasily Maklakov and Oskar (Israel) Gruzenberg spanning the period of one year: January 1933 to January 1934. In Late Imperial Russia, they were known as leading lawyers and public figures, who conversed on ethical problems with Leo Tolstoy and led the liberal opposition to the regime. Occasionally, their professional paths crossed, for example, during the infamous Beilis trial (1913), when Maklakov and Gruzenberg led the defense team. At the same time, they were divided on many political

⁴⁷ Грузенберг – Маклакову, 19 февраля 1933 // НИА. 8-3.

⁴⁸ Грузенберг – Маклакову, 19 февраля 1933 // НИА. 8-3.

issues, as well as by personal attitudes. The rise of the Nazis to power in Germany provoked Maklakov and Gruzenberg, now living in emigration in France, to discuss the new political reality in Europe: that of dictatorships based on massive nationalist mobilization. They discuss the prospects of the Soviet regime in this new reality, which leads them to a bigger question of the “nature” of the Russian people, the historical roots of the Bolshevik Revolution, and their own integrity in politics and as professionals.

BIBLIOGRAPHY

Adamovich, G. V. Vasilii Alekseevich Maklakov. Politik, iurist, chelovek. Paris, 1959.

Akh, vernisazh. Advokaty v izobrazitel'nom iskusstve / Sost. A. V. Krokhmaliuk. Vol. 1. Moscow, 2014.

Aldanov, M. K 80-letiiu V. A. Maklakova // V. A. Maklakov. Rechi: sudebnye, dumskie i publichnye lektsii. 1904–1926 / S predisloviem M. A. Aldanova. Paris, 1949. P. 16.

B.O. O. O. Gruzenberg – zashchitnik v revoliutsionnom tribunale: Iz vospominanii podzashchitnogo // Novoe russkoe slovo. 1940. 31 dek. No. 10189. P. 2.

“Bol'shevizm est' neschast'e, no neschast'e zasluzhennoe”: Perepiska V. A. Maklakova i A. A. Kizevettera. Publ. O. Budnitskogo i T. Emmonsas // Istochnik. 1996. No. 2. Pp. 4–24.

Budnitskii O., Polian A. Russko-evreiskii Berlin (1920–1941). Moscow, 2013.

Budnitskii, O. V. “Atomnaia bomba i Evangelie ne ochen' sovместimy”: Russkaia emigratsiia v nachal'nyi period Kholodnoi voyny // Rodina: rossiiskii istoricheskii zhurnal. 2014. No. 1. Pp. 145–147; No. 2. Pp. 136–140.

— 1945 god i russkaia emigratsiia: Iz perepiski M. A. Aldanova, V. A. Maklakova i ikh druzei // Ab Imperio. 2011. No. 3. Pp. 243–311.

— Maklakov i Miliukov: dva vzgliada na russkii liberalizm // Liberalizm v Rossii: istoricheskie sud'by i perspektivy. Moscow, 1999. Pp. 416–428.

— Miliukov i Maklakov: k istorii vzaimootnoshenii. 1917–1939 // P. N. Miliukov: istorik, politik, diplomat. Moscow, 2000. Pp. 358–383.

— Netipichnyi Maklakov // Otechestvennaia istoriia. 1999. No. 2. Pp. 12–26; No. 3. Pp. 64–80.

— Popytka primireniia // Diaspora: Novye materialy. Vol. 1. Paris and St. Petersburg, 2001. Pp. 179–240.

— Posle Stalina: Iz emigrantskoi perepiski 1953 goda // Rodina. 2012. No. 7. Pp. 17-22.

— Posly nesushchestvuiushchei strany // “Sovershenno lichno i doveritel’no!” B.A. Bakhmetev – V. A. Maklakov: Perepiska 1919–1951. T. 1. Moscow and Stanford, 2001. Pp. 16-114.

— V. A. Maklakov i “evreiskii vopros” // Vestnik Evreiskogo universiteta. Istorii. Kul’tura. Tsivilizatsiia. 1999. No. 1(19). Pp. 42-94.

— V. A. Maklakov i M. A. Aldanov. Politika i literatura // “Prava cheloveka i imperii”: V. A. Maklakov – M. A. Aldanov. Perepiska 1929–1957 gg. Moscow, 2015. Pp. 5-44.

— V. A. Maklakov i V. V. Shul’gin: druz’ia-protivniki // Spor o Rossii: V. A. Maklakov – V. V. Shul’gin. Perepiska 1919–1939 gg. Moscow, 2012. Pp. 5-42.

— V. A. Maklakov i zhurnal “Sovremennye zapiski” // Vokrug redaktsionnogo arkhiva “Sovremennykh zapisok” (Parizh, 1920–1940). Moscow, 2010. Pp. 203-232.

Delo Beilisa. Stenograficheskii otchet. Kiev, 1913.

German, I. Ia. Bol’shoi russkii patriot: Pamiati O. O. Gruzenberga // Russkaia mysl’. 1953. November 14. No. 606. P. 4.

Gershun, B. Gruzenberg kak ugolovnyi zashchitnik (po povodu knigi ego vospominanii “Vchera”) // Poslednie novosti. 1938. September 1. No. 6367. P. 4.

Gessen, I. V. Istorii russkoi advokatury. Vol. 1. Advokatura, obshchestvo i gosudarstvo. 1864–1914. Moscow, 1914.

Gol’denzeizer, A. A. Advokat-boets: Pamiati O. O. Gruzenberga // V zashchitu prava: Stat’i i rechi. New York, 1952. Pp. 241-252.

Grabar’, I. E. V. A. Serov. Zhizn’ i tvorchestvo. 1865–1911. Moscow, 1980.

Gruzenberg, O. O. O petrogradskoi advokatskoi gromade [Rech’ proiznesennaia v iubileinom sobr. petrogr. prisiazhnykh poverennykh i ikh pomoshchnikov]. Petrograd, 1916.

— Ocherki i rechi. New York, 1944.

— Pis’mo Isaaku Adol’fovichu Naidichu (1920–1933). Publ. i komentarii Sh. Markisha // Evreiskii zhurnal (Munich). 1991. Pp. 80-100.

— Stranitsy vospominanii / Intod., ed., comment. V. E. Kel’ner // Vestnik Evreiskogo universiteta v Moskve. 1994. No. 3 (7). Pp. 221-240.

— Vchera: Vospominaniia. Paris, 1938.

— Tolstoi i sud (Razgovor s L. Tolstym v 1900 godu) [1930] // Gruzenberg, O. O. Ocherki i rechi. New York, 1944. Pp. 142-148.

“Ia sovershenno priznaiu, chto prodolzhat’ sovmestnuiu rabotu nam budet trudno”: V. A. Maklakov / Publikatsiia, vstupitel’naia stat’ia i primechaniia O. V. Budnitskogo // “Sovremennye zapiski” (Parizh, 1920–1940): Iz arkhiva redaktsii. Vol. 4. Moscow, 2014. Pp. 111–242.

Issledovaniia po grecheskoi istorii. 1. V. Maklakov. Izbranie zhrebiem v Afinskom gosudarstve. 2. M. Gershenzon. Aristotel’ i Efor. Moscow, 1894.

Karpovich, M. Dva tipa russkogo liberalizma: Maklakov i Miliukov // Novyi zhurnal. New York. 1960. No. 60. Pp. 278–279.

Koval’chuk, S. Riga v emigrantskikh skitaniiax Oskara Gruzenberga // Evrei v meniaiushchemsia mire: mat-ly 3-i mezhdunar. konf., Riga, 25–27 oktiabria 1999 g. / Ed. G. Brannover i R. Ferber. Riga, 2000. Vol. III. Pp. 486–494.

— Sud’ba zhurnala “Zakon i sud” (1929–1938) // Baltiiskii arkhiv: Russkaia kul’tura v Pribaltike. Riga, 1999. Vol. 4. Pp. 88–103.

Kulisher, E. M. Gruzenberg kak advokat // Gruzenberg, O. O. Ocherki i rechi. New York, 1944. Pp. 8–20.

Lednitskii, V. Vokrug V. A. Maklakova (Lichnye vospominaniia) // Novyi zhurnal. New York. 1959. No. 56. Pp. 222–250.

Leniashin, V. A. Portretnaia zhivopis’ V. A. Serova 1900-kh godov: Osnovnye problemy. Leningrad, 1986.

Maklakov, V. Iz vospominanii. New York, 1954.

— Rechi: sudebnye, dumskie i publichnye lektsii. 1904–1926. Paris, 1949.

— Spasitel’noe predosterezhenie. Smysl dela Beilisa // Russkaia mysl’. 1913. No. 11. Part 2. Pp. 135–143.

— Znachenie dela Beilisa // Russkie vedomosti. 1913. October 30. No. 250.

Miliukov, P. “Vchera” O. O. Gruzenberga // Poslednie novosti. 1938. April 14. No. 6228. P. 3.

“Mne vseгда tiazhelo dyshat’ tam, gde menia nelaskovo primimaiut”: O. O. Gruzenberg. Publikatsiia, vstupit. stat’ia i primechaniia V. I. Khazana // Sovremennye zapiski (Parizh, 1920–1940). Iz arkhiva redaktsii / Ed. O. Korostelev i M. Shrubu. Moscow, 2013. Vol. 3. Pp. 431–458.

Napisannye bez ogliadki: Vasilii Maklakov i ego pis’mo-portrety. Publ. O. V. Budnitskogo // Rodina: Rossiiskii istoricheskii zhurnal. 1996. No. 10. Pp. 54–61.

Nathans, Benjamin. Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Berkeley, 2002.

Pis’mo P. N. Miliukova – O. O. Gruzenbergu (iz parizhskogo arkhiva Solomona Poznera) / Introd., ed. and comment. V. E. Kel’ner // Russian

studies = Etudes russes = Russische Forschungen: ezhekvartal'nik russkoi filologii i kul'tury. St. Petersburg, 2000. Vol. 3. No. 3. Pp. 258-316.

Politicheskii roman v pis'makh: Iz perepiski A. V. Tyrkovoi i V. A. Maklakova. Publ. i vstupit. stat'ia O. V. Budnitskogo // Russkaia emigratsiia: literatura, istoriia, kinoletopis'. Jerusalem and Tallinn, 2004. Pp. 302-320.

“Prava cheloveka i imperii”: Pis'ma V. A. Maklakova k M. A. Aldanovu. Publ. O. V. Budnitskogo // Istorii i istoriki: Istoriograficheskii vestnik 2009–2010. Moscow, 2012. Pp. 298-315.

“Predpochitaiu vo mnogo raz ubiistvo Mussolini kazni Lavalia”. Iz perepiski V. A. Maklakova i M. A. Aldanova. Publ. O. V. Budnitskogo // Rossiiskaia istoriia. 2013. No. 4. Pp. 39-59.

Sensatsiia v Maiami: novyi auktsionnyi record Valentina Serova // <http://www.artguide.com/ru/news/siensatsiia-v-maiami-novyi-auktsionnyi-riekord-valientina-sierova-1025.html>.

Soblaznitel' generalov. Publ. O. Budnitskogo // Rodina. 1997. No. 12. Pp. 59-62.

“Sovershenno lichno i doveritel'no!” B. A. Bakhmetev – V. A. Maklakov: Perepiska 1919–1951. V 3-kh tomakh / Ed., introd., and comment. O. V. Budnitskii. Moscow and Stanford, 2001–2002.

Spor o Rossii: V. A. Maklakov – V. V. Shul'gin. Perepiska 1919–1939 gg. / Ed., introd., and comment. O. V. Budnitskii. Moscow, 2012.

Sudebnye dramy. 1898. T. II. Pp. 114-129.

Tribunskii, P. A. Fond advokata i obshchestvennogo deiatelia O. O. Gruzenberga v Natsional'noi biblioteke Izrailia // Arkheograficheskii ezhegodnik za 2009–2010 gody. Moscow, 2013. Pp. 345-350.

Valentin Serov v vospominaniiakh, dnevnikakh i perepiske sovremennikov / Ed. I. Pp. Zil'bershtein i V. A. Samkov. Leningrad, 1971.

Vishniak, M. V. O. O. Gruzenberg // Russkaia mysl'. 1956. June 10. No. 923. Pp. 2-3.

Vyborgskii protsess. St. Petersburg, 1908.

Zhabotinskii, Vladimir. Pis'ma Oskaru Gruzenbergu / Ed., introd., and comment. Kh. Firin [V. E. Kel'nera] // Vestnik Evreiskogo universiteta v Moskve. 1994. No. 2 (6). Pp. 215-254.

ARCHIVES

Stanford University, Hoover Institution Archives. Vasily Maklakov Collection. Box 8. Folders 1–4; Box 16. Folder 10.

Bakhmeteff Archive, Columbia University, Rare Book and Manuscript Library. Aldanov Papers. Boxes 5, 34.